

СТРУКТУРНО-ЛОГИЧЕСКОЕ СОДЕРЖАНИЕ ПРЕДМЕТА ПОЛИТИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ

STRUCTURAL-LOGICAL CONTENT THE SUBJECT OF THE POLITICAL PHILOSOPHY

V. Volkov

Annotation

The author examines issues related to the definition of "politics", "political power", "political freedom".

Historical understanding of the political terms is compared to their modern interpretation and the newly arisen categories, such as liberalism and the political forces, the subject of politics, state, independence, sovereignty, justice.

Keywords: State, politics, political power, political freedom, political philosophy, justice.

Волков Виталий Александрович

Д.пол.н., профессор,

*Северо-Западный институт РАНХиГС
при Президенте РФ, г. Санкт-Петербург*

Аннотация

В статье автор исследует проблемы, связанные с определением понятий "политика", "политическая власть", "политическая свобода".

Историческое понимание политической терминологии сопоставляется с современной их трактовкой и с вновь возникшими категориями, такими как либерализм, политические силы и политические субъекты, государство, независимость, суверенитет, справедливость.

Ключевые слова:

Государство, политика, политическая власть, политическая свобода, политическая философия, справедливость.

Парадокс политической практики начала нового тысячелетия заключается в том, что наличие самых благоприятных условий для социально-экономического развития государства, обыкновенно отсутствующих в критические исторические периоды, не реализуется в особо значимых результатах общественного процесса.

Как правило, парадокс – это всегда видимость. Мы наблюдаем некий процесс, его составляющие, и только заблуждаемся в определении субъекта этого процесса, ресурса заинтересованных акторов, в распределении особенных и единичных составляющих этого процесса.

Идеологемы модернизации и кризиса закольцевали политическую рефлексию в нерасторжимый цикл предельных представлений о внешней и внутренней политике. Конституционные основы государственности, несмотря на прописанные в них ценностные ориентиры развития, не дают исчерпывающего ответа о содержании современной государственности. Все сферы общественного бытия, будь то экономическая, социальная, религиозная, национальная сегодня становятся ареной политики, на которой главные игроки отнюдь не спешат легитимировать свои статусы и лица [10].

Отсутствие политической философии – это всегда угроза будущему. Вместе с этим понимание политики само приобретает черты проблемы. Определение политики как разумной, эффективной, прогрессивной или, наоборот, пагубной, разрушительной, самоубийственной, реакционной предполагает признание того, что последняя в себе содержит онтологические определения. Адекватное описание политических институтов и отношений может быть сколь угодно правильным, но это еще почти ничего

не дает для знания и понимания политики. Знание многообразия политических фактов само по себе не выявляет их смысла. Факты могут удваивать реальность, скрывать действительность. Даже признание их политическими возможно из понимания целого, и сам факт имеет значение, приобретает смысл события только во всеобщей связи, в связи с целым. О самой современности можно говорить, только подразумевая ее внутреннее единство, выходящее за рамки хронологической одновременности.

Здесь возникает новый ракурс проблемы. Где грань, отличающая современное понимание политики от ее понимания в различные исторические эпохи? Развивается ли понятие политики в истории и зависит ли это только от прогресса в познании, или и от своеобразия исторической эпохи? Неизбежно придется предположить, что историческое исследование понятия политики опирается на некоторое понятие единства истории и внутреннего различения ее на периоды. Следовательно, философия истории выступает не только как предпосылка, но и как органическая часть политической философии. Политическая философия еще со времен Аристотеля относилась к практической философии в том смысле, что свой конечный смысл познание находит не в самом себе, а в практике, опирающейся на нравственное основание [13], когда сама действительность выступает в форме противоречия, воспринимаемого как борьба различных социальных сил.

Таким образом, мы сталкиваемся с проблемой всеобщей связи, целого, предельного единства политики. Такое единство в философии определяется как идея. Идея политики есть условие и результат познания мира политического.

Мышление постоянно имеет дело с идеями. Мыслить предмет и означает выразить его единство в понятиях, в форме конкретно всеобщего. Следует с самого начала избавиться от психологических представлений об идее, имеющих силу предрассудков. Идея в философии не понимается как нечто сугубо субъективное, как только мыслительная конструкция, результат психической активности. Идея формируется и осмысливается в структуре человеческой деятельности и в естественно-исторической определенной системе общественных отношений. Следовательно, идеи не только отражают политические процессы, но и сами являются общественными отношениями в их идеальной форме.

Понятие идеи также развивалось в истории, и это существенно определяет понимание идеи политики. Политическое знание, будучи одним из древнейших, довольно поздно конституировало себя в качестве отдельной научной дисциплины и ведет свою историю с конца XIX в.

Рождается политология в лоне расцветающего позитивизма, и первоначальные устремления ее связаны, по иронии истории и вопреки логике самоопределения любой предметности, именно с усилиями по элиминации идей, метафизических предпосылок из позитивного знания. Много энергии затрачивается на обоснование ценностно-нейтрального характера политического знания. В ходе дальнейшего развития политология постепенно изживает естественно-научный пуризм, особенно с помощью активизации исследований в рамках истории политической мысли. Однако стремление к искусственной отдельности, особенности политического знания делают чрезвычайно актуальными проблемы единства политического знания в историческом развитии. Следует только заметить, что речь идет не об абстрактном единстве, а о конкретном единстве, выражающем себя через различие исторических форм и противоречивое развитие логических определений.

Что является принципом, позволяющим развернуть понимание политики в целостную систему знания? Как этот принцип раскрывает себя в определенных понятиях, фиксирующих реальные политические отношения? Каков результат развития этого принципа? Как различие политических учений отдельных представителей политической философии реализует себя как конкретное единство в понимании идеи политики? Смысл исследования духовного наследия, истории мысли замечательно выразил И. Кант: "Замечу только, что нередко и в обыденной речи, и в сочинениях путем сравнения мыслей, высказываемых автором о своем предмете, мы понимаем его лучше, чем он сам, если он недостаточно точно определил свое понятие и из-за этого иногда говорил или даже думал несогласно со своими собственными намерениями" [7, с. 350].

Проблемы политической философии, предполагая академический интерес, далеко не исчерпываются последним. Современная Россия снова стоит перед вопросом о том, что такое свободное государство, государство свободы. Каким образом свобода индивида осуществля-

ет себя в свободном государстве? Государство все еще представляется строительной конструкцией, которую можно разобрать до размеров будки для "ночного сторожа". Представления же о государстве как о "нравственной действительности" конкретного народа воспринимаются как темные и неуместные. И окончательных ответов все еще нет.

Актуальность политико-философского исследования для современной политической мысли вызвана также и драматизмом той ложной альтернативы, перед которой оказались сегодня многие политические субъекты: либо либеральная демократия с дальнейшим вхождением в глобальную мировую экономику с угрозой потери политической субъектности, либо деспотический режим с утратой всех свобод и уходом с исторической арены. Либерализму нет альтернативы, все политические цели известны, а потому известна и судьба народов, ведущая их в "перспективу многовековой скуки", – писал один из "пророков" однополярного мира Ф. Фукуяма [14, с. 148]. Политика начинает пониматься как технология достижения целей. Однако концептуальная незначимость, позитивистский технологизм современной политической мысли порождает дезинтеграционные процессы, воспроизводящие исторические формы кризисов. Именно поэтому сегодня актуализированы цивилизационные и религиозно-фундаменталистские прочтения современных политических процессов

Политика обычно понимается как борьба за власть, в которой взаимоотношения, в конечном счете, определяются господством и подчинением. "Protego ergo obligo – это cogito ergo sum государства, и учение о государстве, которое не имеет систематического осознания этого положения, остается недостаточным фрагментом" [19, с. 53]. Понятия власти и свободы всегда сосуществовали в истории политической мысли. Различия в их понимании зависели от того, какое понятие выступало определяющим принципом для политического дискурса.

Именно различное понимание свободы (и само понимание идеи как некой абстракции) радикально разводит либерализм как идеологию и традицию политической философии. Это противостояние не является чем-то исключительно особенным для истории политической мысли. Оно восходит еще к античности. "В Греции, – замечает К. Ясперс, – правда, только кратковременно – существовала свобода, не возникавшая более нигде. Содружество свободных людей устояло под натиском универсальной деспотии, тотальной организации, облагодетельствовавшей народы" [20, с. 85]. Однако свобода в античности не выступала в качестве фундаментальной проблемы. Свобода стала политической проблемой в новейшей истории тогда, когда индивидуальная, частная свобода потребовала своей легитимации в качестве общественной ценности, когда индивид становится единицей политических отношений, их субъектом. Мыслители этого периода размышляли в рамках общей задачи создания научной философии, научного мировоззрения и поиска однозначных законов истории в рамках идеи по-

зитивного господства человека над природой и обществом, что приводило к тенденции рассматривать политику как технологический процесс.

"Такого человека, – пишет Р. Гвардини, – каким его представляло Новое время, нет. Оно неустанно пыталось заключить его в рамки не соответствующих ему категорий: механических, биологических, социологических; все это вариации основной установки Нового времени сделать из человека существо, которое было бы "природой", будь то даже "духовная природа". Теперь же человек в своей свободе незаместим, даже если не признает ее" [5, с. 152].

Заслуга немецких мыслителей заключается в логико-философском обосновании свободы как практической и политической идеи. Политические учения этого периода являются не просто набором политических убеждений и взглядов. Речь идет о политической философии в буквальном смысле этого слова. Антиномическое противостояние понятий власти и свободы могло закончиться только тогда, когда возникла возможность снять рассудочный характер их противопоставления. А для этого было необходимо возникновение учения о мышлении и разумном познании. Власть, разлагая в себе самой особенное содержание, должна обнаружить свободу как свое собственное основание.

И понятие власти, и понятие свободы фиксируют в себе отношение всеобщего и особенного. Но фиксируют его противоположным образом. Философия И. Канта и, в особенности, его "Критика способности суждения" дали теоретическое обоснование для различения определяющей и рефлектирующей силы суждения. Последняя, в свою очередь, выступила исходным пунктом для познания конкретно всеобщего, действительно разумного, идеи в немецкой классической философии. Кант "определенно приходит к представлению об интуитивном (созерцающем) рассудке, который, давая всеобщие законы, определяет вместе с тем особенное; это – глубокое определение, истинно конкретное, реальность, определяемая присущим ей понятием, или, как это называет Спиноза, адекватная идея" [6, с. 455]. Мысль о свободе как имманентной цели человека дополняется мыслью о возможности единства человеческой деятельности и целесообразности природы. История стала необходимой составляющей политической философии.

Понятие власти остается категорией, характеризующей сущностное противоречие в организации общества. Его содержание исчерпывается подведением особенного под данное всеобщее [8].

Обращение к прошлому, отличному от современного мира, позволяет человеку вырваться за пределы собственной субъективности, придает ему духовные силы, необходимые для решения современных проблем. Нет политической философии вне нас. Историческое наследие мертво без порождения его в нашем духе. Каждая эпоха, поколение, индивид принимает такую определенность духа, какой она предстает в их деятельности. Порождая ее в себе, они обогащают ее своей единствен-

тью. Это единство самоопределения всеобщего и единичной формы рефлектирующего сознания манифестируется как постоянная борьба преодоления единичности всеобщим. В этом заключен смысл всех усилий. Различие заключается в том, какое формообразование духа снимает субъективность познающего, какова определенность выступающего в единичной форме и что остается в результате как материал для следующего шага.

Политика есть деятельность по производству и воспроизведению социальных структур, разрешающих противоречия, которые угрожают свободе общества как целого. Этимологически термин "политика" восходит к названию основной формы древнегреческого сообщества "полис" и означает то, что относится к гражданским, государственным делам. Термин "политика" включает в себе отношение общества и индивида. "Закольцовывание логического движения от политического целого к гражданину и обратно одновременно противопоставляет и соединяет гражданина (polites) и град (polis)" [18, с. 220]. Эта взаимная зависимость и противопоставление усложняют и обогащают политику, а термин делают многомерным. В современной англоязычной политической литературе употребляют три термина, "отдельно выражающих формальное (Polity), процессуальное (Politics) и содержательное (Policy) измерения политики" [21, с. 702].

Непосредственно политическая деятельность не содержит в себе ничего специфически политического. Сначала любой простейший анализ сталкивает нас с устойчивыми социальными образованиями, внутренне расчлененными и находящимися во взаимодействии между собой.

На уровне бытия деятельность социальных структур как "феноменология" политики распадается на три момента: ресурсы, организацию, коммуникацию. Качественное многообразие деятельности, воплощенное в ресурсах, в организации представлено как их определенное количественное соотношение. Коммуникация есть мера взаимодействия организаций, количество которого определено требованиями воспроизводства самих организаций.

Бытие политического не имеет неизменного образа. Субъектами политического действия выступают социальные структуры самого различного характера. Политическое носит исторический характер и выступало в форме греческого полиса, эллинистических государств, Римской империи, королевств средневековья, современных национальных государств. И в рамках каждой исторической эпохи возникали и воспроизводились социальные структуры религиозного, экономического, национального характера, претендующие на роль носителя идеи целостности сообщества людей. Политическое сообщество состоит из большого числа людей, взаимодействующих друг с другом. Сообщество людей представляет систему систем человеческих связей. Системы связей людей базируются на основе определенных ресурсов – человеческих, материальных, финансовых, информационных и образуют социальные институты. Их взаимодействие вклю-

чает в себя как элементы сотрудничества, так и конфликта. Социальные институты создают и исчерпывают поле социально-политических сил и действий. Институты регулируют многообразие действий через систему поощрений и принуждения. Они производят и воспроизводят обычаи, традиции, законы, акты, договоры, носящие нормативный характер.

Все институты существуют благодаря взаимозависимости и своему собственному основанию. Они суть агенты политики. Во взаимозависимости проявляются их функции и свойства.

Тотальность функций политических агентов образует поле политических сил. Совокупность политических агентов во всем их индивидуальном многообразии составляет мир политического. В мире политического агенты политики обнаруживают себя как со стороны своего собственного основания, так и со стороны своих многообразных связей. Таким образом, политические агенты определяются двояким образом: как внешними условиями существования, так и внутренним законом. Они оказываются как устойчивыми, так и изменчивыми. Внутренняя форма политического агента составляет его закон. Закон связи политических агентов в единстве с их многообразием есть коммуникация или политическая система. Именно коммуникационные характеристики политической системы представляют собой содержательную проблему, которая требует ухода от тривиальных типологий [2, с. 5–12].

Все многообразие социальных элементов еще не указывает на специфику политического [9]. Только возможность конфликта сил, ставящая под угрозу существование целого, проявляет структуру сущности политического. "Всякая религиозная, моральная, экономическая, этническая или иная противоположность превращается в противоположность политическую, если она достаточно сильна для того, чтобы эффективно разделять людей на группы друзей и врагов. Политическое заключено не в самой борьбе, которая опять-таки имеет свои собственные технические, психологические и военные законы, но, как сказано, – в определяемом этой реальной возможностью поведении, в ясном познании определяемой ею собственной ситуации и в задаче правильно различать друга и врага" [19, с. 45].

На уровне сущности политическое выступает как рефлексия противоречивого отношения в определениях интереса, конфликта, власти, отражающих моменты различия, противоположности, тождества. Отношение, порождающее политическое, может находиться не в самой крайней стадии развития, создавая различные структуры сущности.

Термин "интерес" имеет древнеримское происхождение и первоначально "interesse" означало "esse" – быть "inter" – между, присутствовать, отличаться [17]. В политическую лексику понятие "интерес" вошло значительно позже, в эпоху Возрождения, и стало связываться с целедостижением правителей, причем с негативным антиэтичным оттенком. Далее понятие интереса начинает

связываться с концепциями общественного интереса, государственного интереса и, наконец, национального интереса.

Наличие у социальных структур своих интересов говорит о нетождественности их с самими собой. Иметь национальный интерес – это значит полагать и снимать границу своего существования. Достижение ни одной цели не исчерпывает деятельность субъекта. Политический субъект не существует только как некое физическое тело. Он находится в системе отношений как в своей системе. И это нахождение "между" и составляет его особый интерес. Дифференциация субъекта в поле политических сил фиксируется в определении интересов, сфер интересов, сфер влияния и т. д. Сферы влияния указывают на неравновесность различных структур.

Реальная возможность конфликта между различными силами указывает на политические субъекты, самостоятельно определяющие политические силы и отношение к ним [4].

Конфликт является наиболее простым, по видимости, отношением, в котором происходит политическое размежевание. "Хотя сам по себе антагонизм не является источником социальных отношений, этот социологический элемент почти всегда в них присутствует. <...> Вероятно, эта ситуация зачастую связана с так называемым внутригрупповым смещением в одно целое совместимых и несовместимых мотиваций. <...> То есть структура может быть *sui generis* <...>, и лишь для того, чтобы описать и понять ее, мы в действительности сводим ее воедино, *post factum*, из двух тенденций, одной – монистической, а другой – антагонистической. <...> Но то, что исследователь или сам участник разделяет на две взаимосвязанные тенденции, в действительности может являться одной единственной" [22, р. 22–23, 25].

Противоречие, которое открывается в конфликте, указывает на основание, которое оказывается расколобразующим принципом для общества. Такими принципами в истории выступают последовательно цивилизационно-этическое, религиозное, национальное, экономическое, экологическое основания [15, с. 20–27]. На определенном историческом этапе определенная подсистема общества становится основанием политики. Это то, что называют парадигмами политического мышления. Под политической парадигмой следует понимать исторический способ осмысления основания, по которому человеческое сообщество делится на политические единства. Поэтому для начала XXI в. остается актуальным суждение о том, что "хозяйство стало политикой "Politicum", и в силу этого – "судьбой" [19, с. 67].

Основание детерминирует определенность и специфику существования различных институтов, носящих политический характер.

Политическая власть также является отношением. Это отношение отчужденной формы единства общества к нему самому и составляющим его индивидам. В идеале всеобщая воля, которую призвано выражать правительство, должна быть в единстве с единичной волей каждого

индивида. Это тождество характеризует нравственность данного общества. В действительности, в силу различных причин, такое единство не безусловно.

Сложность организации современного общества, развитое личное начало индивидов не позволяют и в то же время лишают необходимости стремиться к непосредственному единству воли. Поэтому государственная власть и претендует на исключительное легитимное насилие в обществе, которое является первым моментом властных отношений. Право государственного насилия или принуждения нуждается в нормативной легитимации, поскольку необходимо различие справедливых и несправедливых властных отношений. Принудительное регулирование в обществе между индивидом и социальными структурами, создающее сложное целое, образует систему господства, характеризующуюся взаимными правовыми обязательствами различных уровней власти.

И, наконец, иррациональный характер господства снимается в отношении управления, базирующемся на распределении компетенции и коммуникации. Управленческие отношения выступают как интегративный фактор многообразных интересов социальных структур, общностей, отдельных личностей, взаимодействующих в процессе управленческой деятельности. Эти отношения устанавливаются в форме многообразных связей и взаимодействий, которые могут носить как линейный, так и неллинейный характер. В структуре управленческих отношений принято выделять отношения централизма и самостоятельности, субординации и координации, дисциплины и ответственности, состязательности и др. [12, с. 146–155].

Несмотря на то, что, осуществляя функции управления, субъекты сознательно регулируют свои действия во имя достижения заранее поставленной цели, управленческая деятельность и отношения управления объективно обусловлены. Именно через них практически реализуются объективные тенденции развития социально-политических и экономических условий, которые, в свою очередь, определяют рамки и ограничения целенаправленной деятельности субъектов управления. Управление, таким образом, не может быть самодостаточным, оно есть производное самоорганизации власти и контролируется ею. Результатом властных отношений и их имманентным моментом является политический порядок

Политическая власть имеет сложную внутреннюю структуру и никогда не сводится к одному из ее моментов. Как пишет М. Туровский: "Социальное существование людей повседневно подтверждает, что жизнедеятельность индивида выступает по отношению к общественному укладу, порядку возмущением. И это не только в смысле различных антиобщественных проявлений, правонарушений. Не менее конфликтным оказывается любое творческое деяние личности, потому что оно вносит перебои в налаженный ритм общественных технологий, будь то производственные процессы, устоявшиеся социальные взаимодействия или даже принятые формы общения. И как бы странно ни звучало такое утверждение,

опыт общественной жизни свидетельствует, что общество тратит массу энергии на нормализацию возможных возмущающих инициатив со стороны личностных отклонений, будь то правонарушения или творчество.

Указанная коллизия образует неистребимое, постоянно возобновляемое противоречие, потому что для хода истории равно органичны и творческая инициативность личности – источник общественных новаций, и упорядоченность во всем диапазоне сотрудничества между людьми – условие эффективности их совместного существования" [11, с. 113–114].

На уровне идеи политика развивается как целевое отношение независимости (суверенитета), справедливости и свободы. Идея выступает как единство субъективного и субстанциального. Политическая практика начинает осуществлять себя как идею тогда, когда она достигает самосознания в своем осуществлении и отличии себя от другого. Иначе говоря, осуществлять себя как свободную практику.

Свобода субъекта сначала выступает как независимость от всякого иного. Это отрицательное понятие свободы. Независимость может трактоваться как суверенитет субъекта. Понятие суверенитета в его классическом определении состоит в том, что: "Суверенитет есть высшая, независимая от закона, [ни из чего] не выводимая власть" [18, с. 31]. И если о внутреннем суверенитете начинают размышлять со времен Ж. Бодена, то о внешнем суверенитете было известно значительно раньше. Понятие суверенитета имеет сложные импликации и сегодня трактуется далеко неоднозначно.

Суверенитет проистекает из власти, но не тождествен ей, и "когда возникает спор о праве (в отношениях сущности – прим. автора) между ли отдельными лицами, между ли частями политического союза, между ли индивидом и политическим союзом, должна быть определенная инстанция, определенная власть, решающая окончательно спорный вопрос о праве" [15, с. 182].

Вторым определением свободы, или идеи как положительного отношения к окружающему миру политического, является справедливость. Понятие справедливости характеризует порядок в обществе и соразмерность воздаяния за общественные деяния. Понятие справедливости подчеркивает именно всеобщеправовую природу организации общественных отношений в противоположность отношениям неправовым, основанным на насилии и произволе. Как неоднократно указывает О. Хеффе, "справедливость можно рассматривать как категорический императив для обладающих полномочиями на принуждение социальных отношений, а политическую справедливость – как категорический императив для государственно-правового порядка, короче говоря, – как государственно-правовой императив" [16, с. 44]. Справедливость – это то, что задает правовое поле для выстраивания отношений между субъектами. Только в рамках таких отношений возможно самоопределение субъектов через признание других агентов политического порядка. Это касается как внутренней, так и внешней политики.

Справедливость как отношение права к идее целого, устанавливающее "hierarchia humana", может быть выражено в следующих положениях:

1. Каждая реализованная ценность находится в ценностном отношении к любой из других реализованных ценностей.

2. Каждая реализованная ценность имеет право на полноту своего достойного существования и развития в пределах общей системы ценностей.

3. Каждая реализованная ценность, в случае нарушения нормальных отношений с другой ценностью, имеет право на установление равновесия.

4. Отношения реализованных ценностей определяются мерой достоинства, присущей каждой из ценностей.

5. Отношения эти составляют общий порядок реальной солидарности" [1, с. 117].

Политическая справедливость оценивает право и государство, а не наоборот, тем самым обнаруживая свою нравственную природу. Именно поэтому уместно говорить о справедливом правовом и государственном устройстве.

И, наконец, единство суверенности и справедливости образует действительную свободу субъектов. Идея свободы – это абсолютное условие, при котором разумное политическое действие становится возможным. Свобода

тематизируется в понятиях самоопределения и самоосуществления [3].

Осуществление политической свободы требует постоянного переопределения. Политическое действие требует поиска такого всеобщего, которое одновременно было бы и особенным. Если свобода полагается как нечто данное, она сразу же выступает в форме произвола, требующего технологии власти для своего обеспечения. В таком случае политика неизбежно превращается в технику завоевания и удержания власти. Вследствие этого государство оказывается носителем особенного интереса и ищет свой базис в наиболее эффективном социальном классе гражданского общества. Свобода, будучи условием политического бытия современного общества, оказывается инструментальной ценностью для достижения других политических целей, порождаемых в сфере особенных интересов. Государство, отождествляясь с интересом слоев и групп гражданского общества, становится инструментальным государством, сжимающимся до аппарата управления.

Логическая структура понятия политики позволяет диагностировать частичность политической практики. Политическая философия, удерживая свой предмет, раскрывает тотальность определений, которая снимает видимость парадоксов современной государственности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексеев Н.Н. Основы философии права. СПб.: Юридический институт, 1998.
2. Волков В.А. Идея политики как предмет политической философии // Научные труды Северо-Западной академии государственной службы. 2011. Т. 2. Вып. 3 (4). С. 90–101.
3. Волков В.А. Демократия как проблема в политической философии И. Ильина // Управленческое консультирование. 2012. № 2.
4. Волков В.А. Методологические основания разрешения социальных конфликтов // Управленческое консультирование. 2010. № 2.
5. Гвардини Р. Конец нового времени // Вопросы философии. № 4. 1990.
6. Гегель Г.В.Ф. Лекции по истории философии. Соч. Т. XI. М.–Л., 1935.
7. Кант И. Критика чистого разума // Кант И. Соч.: в 6 т. Т. 3. М.: Мысль, 1964.
8. Ледяев В.Г. Политика и власть // Государственная служба. Вестник Координационного Совета по кадровым вопросам, государственным наградам и государственной службе при полномочном представителе Президента Российской Федерации в Северо-Западном федеральном округе. 2010. № 1.
9. Ледяев В.Г. Политическая власть: концептуальный анализ // Управленческое консультирование. 2009. № 4.
10. Путин В.В. Россия сосредотачивается – вызовы, на которые мы должны ответить // Государственная служба. Вестник Координационного Совета по кадровым вопросам, государственным наградам и государственной службе при полномочном представителе Президента Российской Федерации в Северо-Западном федеральном округе. 2012. № 1.
11. Туровский М.Б. О зависимости культуры от философии // Здесь и теперь. 1992. № 1.
12. Управленческие отношения и самоуправление в обществе // Общая теория управления. М.: Луч, 1994. С. 146–155.
13. Филиппов Г.Г. Философские вопросы нефилософских наук, или о пользе философии для отраслевых научных исследований для подготовки управленческих решений // Научные труды Северо-западного института управления. 2011. Т.2. Вып. 3.
14. Фукуяма Ф. Конец истории? // Вопросы философии. 1990. № 3.
15. Хесле В. Философия и экология. М.: Наука, 1993.
16. Хейфе О. Политика. Право. Справедливость. Основоположения критической философии права и государства. М.: Гнозис, 1994.
17. Черных П.Я. Историко-этимологический словарь русского языка. Т. 1–2. М.: Русский язык, 1994.
18. Шмитт К. Политическая теология. Сборник. М.: КАНОН-пресс-Ц, 2000.
19. Шмитт К. Понятие политического // Вопросы социологии. 1992. Т. 1. № 1.
20. Ясперс К. Смысл и назначение истории. М., 1994.
21. Pipers Wörterbuch zur Politik. B. 1. München-Zürich, 1992.
22. Simmel G. Conflict. Glencoe, 1955.